

Д. В. ГРИГОРОВИЧ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Дмитрий Васильевич Григорович

Петербургские шарманщики

Взгляните на этого человека, медленно переступающего по тротуару; всмотритесь внимательнее во всю его фигуру. Разодранный картуз, из-под которого в беспорядке вырываются длинные, как смоль черные волосы, падающие на худощавое загоревшее лицо, куртка без цвета и пуговиц, гарусный шарф, небрежно обмотанный вокруг смуглой шеи, холстинные брюки, изувеченные сапоги и, наконец, огромный орган, согнувший фигуру эту в три погибели, – все это составляет принадлежность злополучнейшего из петербургских ремесленников – шарманщика...

Содержание

I. ВСТУПЛЕНИЕ	0005
II. РАЗРЯДЫ ШАРМАНЩИКОВ	0010
III. ИТАЛЬЯНСКИЕ ШАРМАНЩИКИ	0017
IV. РУССКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ШАРМАНЩИКИ .	0027
V. УЛИЧНЫЙ ГАЕР	0034
VI. ПУБЛИКА ШАРМАНЩИКА	0043
VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	0056

Дмитрий Григорович Петербургские шарманщики

I. ВСТУПЛЕНИЕ

Взгляните на этого человека, медленно переступающего по тротуару; всмотритесь внимательнее во всю его фигуру. Разодранный картуз, из-под которого в беспорядке вырываются длинные, как смоль черные волосы, падающие на худощавое загоревшее лицо, куртка без цвета и пуговиц, гарусный шарф, небрежно обмотанный вокруг смуглой шеи, холстинные брюки, изувеченные сапоги и, наконец, огромный орган, согнувший фигуру эту в три погибели, – все это составляет принадлежность злополучнейшего из петербургских ремесленников – шарманщика. В особенности наблюдайте за ним на улице: левая рука его с трудом вертит медную ручку, прикрепленную к одной из сторон органа; звуки, то заунывные, то веселые, вырываются из инструмента, оглашая улицу, между тем как взоры хозяина внимательно устремлены на окна домов; он прислушивается к малейшему крику, зову и едва встречается приветливый взгляд, как тотчас ставит свою шарманку и начинает играть лучшую пьесу своего репер-

туара. Каждый раз, как которая-нибудь из труб, позабыв уважение к человеческим ушам, запищит неестественно и нескладно, – посмотрите, как старательно завертит он рукою, думая тем загладить недостатки пискливого своего инструмента и не возбудить в слухе вашем неприятного ощущения. Форточка отворяется, пятак или грош, завернутый в бумажку, падает к ногам его в награду за труды; но часто, весьма часто, истощив напрасно свой репертуар, он медленно удаляется, грустный, унылый, не произнося ни жалобы, ни ропота. Он уж давно привык к такой жизни. Какая бы на улице ни стояла погода, знойный жар, дождь, трескучий мороз, вы его увидите в том же костюме, с тою же шарманкою на спине – и все для того, чтоб получить медный грош, а иногда и «надлежащее распеканье» от дворника, присланного каким-нибудь регистратором, вернувшимся из департамента и после сытного обеда расположившимся лихо всхрапнуть. Часто шарманка кормит целое семейство, и тогда можете себе представить, сколько ужасных чувств волнуют горемыку при каждом тщетном покушении растрогать

большею частью несострадательную к нему публику. Из всех ремесел, из всех возможных способов, употребляемых народом для добывания хлеба, самое жалкое, самое неопределенное есть ремесло шарманщика. Нет ремесленника, который приобретал бы копейку, не имея в виду явного барыша: полунищая баба в грязном салопе, покрытом заплатками сверху донизу, продающая на Сенной площади вареный картофель, прикрываемый, для сохранения в нем надлежащей теплоты, известным способом, то есть без помощи чего-нибудь постороннего, кроме тряпья, составляющего ее исподнее платье, – приглашая гг. инвалидов и мужиков «на картофель, на горячий, служба, служба! на карто, на карто... кавалер, на горячий, на карто, на карто...» и та даже совершенно уверена, что вернется домой с доброю краюхой хлеба, достаточной величины, чтобы накормить двух-трех пострелят мужского или женского пола, что очень часто трудно бывает разобрать, если судить по одной одежде. Шарманщик же, спускаясь из-под кровли пятиэтажного дома или подымаясь из своего подвала, редко бывает уверен,

доставит ли ему скудный его промысел кусок хлеба, соберет ли он столько денег, чтобы в конце месяца заплатить за квартиру – большую частью угол, нанимаемый им у той же торговки картофелем, которая за неисправный платеж будет вправе прогнать его со двора. Вникнув хорошенько в нравственную сторону этого человека, находишь, что под грубою его оболочкою скрывается очень часто доброе начало – совесть. Он мог бы, как другие бедняки, просить подаяние; что останавливает его? К чему таскает он целый день на спине шарманку, лишает себя свободы, убивает целые месяцы на дрессировку собачонок или изощряет свое терпение, чтобы выучить обезьянку делать разные штуки? Что же вынуждает его на такие подвиги, если не чувство, говорящее ему, что добывать хлеб подаянием или плутовством бесчестно? Я не хочу здесь представлять шарманщика идеалом добродетели; еще менее расположен я доказывать, что добродетель составляет в наше время исключительный удел шарманщиков и что, следовательно, вы должны запастись шарманкою и отправиться с нею по улицам,

если считаете себя добродетельным; далек я также от мысли рассчитывать на ваше сострадание, представляя шарманщика злополучнейшим из людей. Нет, я хочу только сказать, что в шарманщике, в его частной и в общественной уличной жизни многое достойно внимания. И если вы со мною согласны, то мне нечего и просить вас читать далее: вы это сделаете сами... Я намерен заняться своим героем со всем подобающим усердием...

II. РАЗРЯДЫ ШАРМАНЩИКОВ

Трудно определить происхождение слова «шарманщик»; тем более трудно, что оно, кажется, родилось на Руси и обязано жизнью простолюды. Называть незнакомое лицо или предмет без основания, часто даже без очевидного смысла, хотя подчас и характеристически метко, свойственно русскому человеку, который, как вы знаете, «за словом в карман не полезет»; недосуг ему затрудняться в причинах, почему и как, а тут же, экспромтом, отпустит он иногда такое, что после думаешь, думаешь, и все-таки не придумаешь, почему выразился он так, а не иначе, назвал орган шарманкой, а не оглоблей, что было бы для него все равно... Если б я принадлежал к числу почтенных мужей, называющих себя корнесловами, то по поводу происхождения слова «шарманка» предложил бы вам множество остроумных догадок. «Всего вероятнее, – сказал бы я, – что первоначальное слово было: ширманка и произошло от ширм, из-за ко-

торых Пучинелла (Петрушка), донныне почти всегдашний спутник шарманщика, звонким своим голосом призывает зевак и любопытных. Такое предположение, присовокупил бы я с большею уверенностью, тем более основательно, что первые появившиеся у нас органы были неразлучны с кукольною комедией, существующею с незапамятных времен в Италии». Но так как и без того в продолжение рассказа я не отчаиваюсь вам наскучить, то, оставив в покое происхождение слова, перехожу к самому шарманщику. С первого взгляда кажется, что все шарманщики составляют одно целое, один класс уличных промышленников; но в сущности подлежат они бесчисленным разрядам, резко отделяющимся друг от друга как занятиями, так и духом национальности. Шарманщики в Петербурге вообще бывают трех различных происхождений: итальянцы, немцы и русские. Между ними итальянцы занимают первое место. Они неоспоримые основатели промысла, составляющего у них самобытную отрасль ремесленности, тогда как русские и немцы не более как последователи, которые хватаются за

шарманку, как за якорь спасения от голодной смерти, или по неспособности, чаще по неохоте к другому, более дельному ремеслу. Шарманщики редко начинают свое поприще с инструментом, от которого получили название; ручной орган, или, как принято называть шарманка, есть уже следствие улучшенного состояния. Тюлень, заключенный в ящике и показываемый толпе с обычным присловьем: «Посмотрите, господа, на зверя морского», высокий ящик, покрытый зеленым сукном, с каким-то дребезжанием вместо музыки, называемый у шарманщиков «фортепьяно англезе», виола с бесконечным скрипом и плясом хозяина и, наконец, флейта или кларнет – вот средства, с которыми впервые дебютирует шарманщик на своей обширной и богатой разнообразными декорациями сцене – на улицах. После уже, спустя два или три года, достигает он счастливейшего дня (если только до того времени не нашел другого средства добывать хлеб), блистающего на бледном его горизонте, как блудящий огонек, – вожделенного и прекрасного дня, в который на скопленные деньги покупает он шарманку. С этим

приобретением осуществляет он все надежды, все мечты и, взвалив на спину свое сокровище, думает только о том, как бы обратить на себя внимание и получить возмездие за все пропавшие труды. То аккомпанирует он вальс Ланнера свистками и трелями, то присоединяет к себе двух маленьких детей, нанятых у бедной трубочисти или прачки, и заставляет их выплясывать бессмысленный танец своего изобретения; то, если представляется счастливый случай, меняет тощую свою шарманку на другую, несравненно меньшую, но представляющую почтеннейшей публике с одной стороны презанимательное зрелище: Наполеона в синем фраке и треугольной шляпе, вертящегося вокруг безносых дам, с ног до головы облепленных фольгой. Если владелец этого сокровища итальянец, то он непременно вступит с вами в разговор и, объясняя значение каждой куклы порознь, не утерпит, чтоб не выбрать хорошенько Наполеона и бог весть почему кружащихся с ним австрийских дам. Если ему снова случается накопить несколько денег, желания его простираются тогда еще далее: он покупает высокий орган с

блестящими жестяными трубами, медными бляхами, золотыми кистями, горделиво качающийся на зеленой тележке, везомой бурой клячею. И действительно, такое приобретение достойно всех жертвований: во-первых, орган не приходится носить, следовательно, менее труда; во-вторых, его можно возить по дачам, где, как известно, люди как-то добрее, самые солидные отцы семейства наклоннее к невинным буколическим удовольствиям, приехавшие гулять особенно расположены тратить деньги, а главное – много детей, которые вообще большие любители кукольной комедии и шарманки; все это имеет значительно благодетельное влияние на доход шарманщика, в особенности, если он обладает умением занять хорошую позицию и задать серенаду кстати. Не всем, однако, улыбается фортуна; есть бедняки, до глубокой старости осужденные наигрывать одну и ту же арию на кларнете или выплясывать трепака по уличному паркету, устланному булыжником, аккомпанируя себе виолою.

Впрочем, так начинают карьеру свою одни только «мещане» этого класса промышленни-

ков; «аристократия» вступает на нее с большим достоинством.

Шарманщики-аристократы редко ходят поодиночке, но большею частью компаниею; один несет богатую шарманку, увенчанную бубенчиками, другой – обезьянку в гусарском платье и тирольской шляпе, третий – ширмы и ящик, наполненный куклами, одетыми в разноцветное тряпье, испещренное блестками; шествие закрывает старый оседланный пудель, служащий гусару в тирольской шляпе вместо лошади. Другие блуждают целым оркестром; третьи присоединяют к себе гаера, который на дырявом ковре делает *salto mortale* [1] при завывании шарманки; романсы с аккомпаньеманом арфы, ученые собаки, две или три скрипки и кларнет, разыгрывающие вечно один и тот же галоп, – все это показывает уже некоторым образом зажиточность хозяев и высоко ставит их над многочисленным классом «мещанства». Впрочем, и здесь, как всюду, разница сглаживается деньгами. Скромною жизнью шарманщику-мещанину случается накопить маленькую сумму, и тогда «аристократия» (живущая несравнен-

но богаче, семейством, и если впадающая иногда в крайнюю нищету, то единственно по духу спекуляции, чрезвычайно, как увидим ниже, в ней развитому) спускается с своих подмостков и, как бы движимая добрым чувством, сближается с прежним отверженцем, принимает его в компанию, или, если денег у него не окажется более, чем предполагалось, привязывает его к себе и еще прочнейшими узами – узами родства. Нужно заметить, что деньги – единственное условие сближения между двумя этими разрядами, вечно враждующими...

III. ИТАЛЬЯНСКИЕ ШАРМАНЩИКИ

Происхождение их чрезвычайно темно: большую часть получают они жизнь под деревянного полуразвалившегося кровлею хижины, живописно расположенной в Апеннинских горах, переименованных ими в *monte Perpi* [2]. Родители их – полунищие горцы, исполняющие, за недостатком земли или по сродной всем итальянцам лености, скромную должность пастухов. Не имея достаточно хлеба, чтоб кормить часто многочисленное семейство, они отдают детей своих старому шарманщику, вернувшемуся на родину и вынужденному спустя несколько времени снова приняться за шарманку и блуждать по белому свету. Таким образом, мальчик покидает родной кров, отца, мать и, вверившись судьбе, спускается с своих гор, надеясь когда-нибудь увидеть их снова. Швейцария, Тироль, Франция, Германия – везде наигрывает он пять или шесть песен, составляющих весь репертуар его; нет ни одного городка, бурга,

селения, которое не слышало бы их по несколько раз. Наконец доходят до него слухи, что где-то на севере, в России, собратья его редки, что там может он получить верный барыш: туда! а Pietroborgo! [3] восклицает бедняк и предпринимает трудный поход. Его не обманули: трудность дороги действительно вознаграждается грошами, довольно щедро выбрасываемыми на дворы и улицы. Иногда направляет он путь свой не прямо к столице, но обходит сначала провинции, посещает города, ярмарки, деревни и, скопив несколько денег, является в столицу, где нанимает работников из своего звания. Мало-помалу, с прибылью денег, итальянец отстает от бродячей жизни, заводит круг знакомства с отечественниками-ремесленниками, гаерами, канатными плясунами, фигурщиками, носящими вечного амура с сложенными накрест руками, кошку, болтающую вправо и влево головою, Наполеона, окрашенного розовой краской, всех возможных форм, видов и несходств, и наконец женится на дочери одного из своих приятелей. Заведшись таким образом хозяйством, итальянские шарман-

щики неизвестно почему избирают жилище в Подъяческих и Мещанской. Маленький двухэтажный деревянный дом, выкрашенный всегдашнею зелено-грязною краскою и возвышающийся в углу темного двора, служит им убежищем. Наружность такого рода строений облеплена обыкновенно галереей, на которую с трудом взбираешься по шаткой лестнице, украшенной по углам (у каждой двери) кадкою, на поверхности которой плавают яичные скорлупы, рыбий пузырь и несколько угольев; вообще лестницы эти, не считая уже спиртуозного запаха (общей принадлежности всех петербургских черных лестниц), показывают совершенное неуважение хозяев к тем, которым суждено спускаться и подниматься по ним. Квартира шарманщика почти всегда находится в конце такой галереи по причине дешевизны и состоит из двух комнат, сделанных из одной.

Если вы хотите иметь о ней точное понятие, то не трудитесь нагнуться и войти в первую комнату. Первый предмет, на котором остановятся ваши взоры, отуманенное слезою (по причине спиртуозности лестни-

цы), будет невероятной величины русская печь, покрытая копотью и обвешанная лохмотьями, составляющими гардероб хозяев; стены и потолок усеяны теми приятными насекомыми, которые пользуются честью носить название, одинаковое с известным европейским народом. Я выразился бы и проще; но боюсь людей, не привыкших «сморкаться» там, где есть возможность «обойтись посредством платка»... Стены эти окружены длинными скамьями, па которых в разных, чрезвычайно неграциозных положениях лежат работники – русские, немцы, итальянцы, нанятые хозяином, каким-нибудь *signor Chariotto Bonissy* [4]. Посреди комнаты стоят ящики с соломой, и три или четыре обезьяны не перестают в них возиться и пицать самым неприятным дискантом; несколько ширм, коробок с куклами, мешков с мукою и макаронами разбросано по разным углам; кадка с помоями издает из-под печки особенно неприятный запах; дым, висящий из коротеньких деревянных трубок (необходимой принадлежности русских работников), наполняет освобожденное от хлама пространство; го-

вор, хохот, писк обезьян, лай собак, визг детей – заглушают храпение нескольких шарманщиков, сверхъестественно согнувшихся на печке, на лавках и на полу. Наконец, одно маленькое окно пропускает в комнату несколько лучей света, и то не всегда, потому что, если в компании есть хоть один русский человек, то стекла непременно залеплены разными фигурками, с известным искусством вырезанными из сахарной бумаги, между которыми козел с необыкновенно большими рогами и бородою прежде всех бросается в глаза. Вторая комната представляет совершенно противоположное зрелище; тут тотчас заметно присутствие женщин. Не только чистота и порядок составляют отличительное ее свойство, но даже заметно некоторое притяжение на роскошь: стенные часы огромного размера, годные для любой башни, с привешенными вместо гирь кирпичами; на окнах горшки с жиденькими растениями, занавески, комод, стол с блистающим самоваром, широкая постель, наконец, шарманки различных величин и свойств, в ряд расположенные вдоль стены, показывают присут-

ствие самого хозяина. Едва часы пробили восемь, как все народонаселение квартиры пробуждается, опоражнивает чашку щей или макарон и, взвалив на плечи каждый свою принадлежность, спускается на улицу, где, разделившись на партии, принимает разные направления. Главный промысел итальянцев – кукольная комедия. Разумеется, та, которая доставляет на наших дворах столько удовольствия подмастерьям в пестрядинных халатах, мамкам и детям, а подчас и взрослым, не похожа на ту, которую вывез он из своего отечества. Обрусевший итальянец перевел ее, как мог, на словах русскому своему работнику, какому-нибудь забулдыге, прошедшему сквозь огонь и воду, обладающему необыкновенною способностью врать не запинаясь и приправлять вранье свое прибаутками, – и тот уже преобразовал ее по-своему. Нигде характер народного русского юмора так сильно не проявляется, как в переделках такого рода; нигде так резко не высказывается бедняк, на фуфу зарабатывающий копейку. В диалогах Пучинелла русского произведения и соответствующих ему персонажей, в их действиях, в самом

расположении комедии, ими представляемой, вы тотчас найдете сродство с теми русскими песнями, в которых слова набраны только для рифмы и не заключают в себе ничего, кроме рифмы, с теми сказками, где все делается по щучьему веленью и ни в чем рассказчик ни себе, ни слушателям не отдает отчета. Например, при всех моих стараниях, я никак не мог добиться, почему в известной уличной комедии, особенно любимой народом, является лицо, совершенно постороннее действию, ни с которой стороны, по-видимому, не нужное, – лицо, известное под именем «Петрушки», без которого, как вы знаете, не обходится ни одно уличное представление? Или по какой причине, прежде нежели (в той же комедии) черт – чрезвычайно похожий на козла – должен увлечь Пучинелла, являются на сцену два арапа, играющие палкою и прерывающие действие? – для чего?... Попробуйте добиться у шарманщика! – «Нет-с, уж оно так, прежде-с арапы, а уж после черт уносит Пучинелла, уж так водится, так быть следует», – отвечает он, оставив вас в совершенном недоумении насчет появления Петрушки и

обоих арапов.

Впрочем, кукольная комедия не есть еще единственный ресурс итальянского шарманщика; ученые обезьяны, уличный гаер составляют также исключительную его принадлежность, и кроме того, жена и дочери (разумеется, если таковы есть налицо) немало способствуют к благосостоянию дома. Выражаясь так, я хочу сказать только, что мать выливает из воска херувимчиков, разыгрывающих на вербах немаловажную роль, а дочери, хорошенькие итальяночки с продолговатыми личиками, шьют по заказу платья или раскрашивают модные картинки и верхушки помадных банок. Вообще, итальянские шарманщики не представляют нам толпу беспутных бродяг, но, напротив того, картину скромных и тихих ремесленников. Они чрезвычайно любят свое ремесло и считают его благородным искусством, художеством; я никогда не забуду, как раз один из них на вопрос мой: «Каково идут дела его в Петербурге?» отвечал мне ломаным французским языком: «Oh! mon signore, nous povero artisto pas bien vivere a Pietroborgo; a Pietro-borgo on n'aime pas

beaucoup les artisto... le publico ne pas aimer la musica, signore!...» [5] Страсть к благородному искусству часто простирается до того, что итальянец проводит целые месяцы на улучшение шарманки; он облепливает ее разными фигурками, украшениями, прикрепляет к сторонам ее треугольник, бубенчики, тарелки, турецкий барабан, навешивает колокольчики, и, приведя все в движение веревочкою, привязанною к ноге, самодовольно поглядывает на своих собратий, воображая себя обладателем восьмого чуда в мире. Помещик, показывающий вновь выстроенный дом свой, не пропуская малейшей подробности, и хвастающийся даже устройством тех мест, куда никто не заходит без настоящей нужды, не так старается вырвать у вас похвалу, как шарманщик, только что купивший шарманку. Он несколько раз откроет ее, развинтит, попросит вас посмотреть внутренность, пощупать, погладить, повертеть ручкою, наконец, определить ее ценность, и все для того только, чтобы не уронить в вашем мнении себя и горемычное ремесло свое.

Имея столько средств к наживанию денег,

итальянские шарманщики легко могли бы, по прошествии нескольких лет, вернуться в свои горы, обеспеченные на всю жизнь, но природное влечение к деньгам и спекуляциям часто ввергает их снова в нищенское состояние. То фабрика гипсовых фигур, как, известно, раскупающихся плохо и за бесценок; то постройка балагана на Адмиралтейской площади, где показывают учебных обезьян, китайские тени, кукольную комедию, что все в общей сложности представляет хозяину более издержек, нежели барыша, то, наконец, попытка основать какое-нибудь ремесленное заведение – одно из таких предприятий, рано ли, поздно ли, разоряет бедного труженика в пух и снова вынуждает бродить по улицам с шарманкою, собирать по грошу и кормить семейство куском черствого хлеба, добываемого трудом и потом.

IV. РУССКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ШАРМАНЩИКИ

Хотя шарманка редко бывает уделом немцев, все-таки сходство промысла дает им место в общем классе, нами описываемом.

Немецкие шарманщики бывают двух родов. Одни приходят к нам из Швейцарии, Тироля, Германии и промышляют с самого детства, другие образовались в Петербурге следствием каких-нибудь жизненных переворотов. Вообще частный быт как тех, так и других не представляет большого интереса. Они живут кучками на Сенной и Гороховой в самом жалком и незавидном положении. Уж в том отчасти их натура виновата. Итальянец, например, предан своему ремеслу душой и телом; он оборотлив, сметлив, хитер, весел и веселостию своею увлекает, интересуется, электризует свою публику. Немец — сущая флегма; он вял, небрежен и не возбуждает никакого участия в русском человеке, который любит, чтоб его тешили, не жалея усилий. Он никогда не старается вас позабавить, произ-

вести на вас приятное впечатление; напротив, вся его цель – надоест кому-нибудь одною и тою же скучною ариею и получить деньги от выведенного из терпения обывателя, с условием оставить его в покое.

Вот политика немецкого шарманщика, не всегда приносящая денежный результат. Впрочем, средства их промысла довольно многочисленны: орган, издающий пискливые звуки – «По всей деревне Катенька», сопровождаемые заунывным аккомпанементом хозяина; арфа, на которой обыкновенно играет сухоощавая немка в огромном чепце и черной шали, немка с лоснящимся красным лицом и необыкновенно острым носом, в то время, как муж ее выделяет на своей скрипке быстрые вариации; ученые собаки, прыгающие на задних лапах под музыку знаменитой поездки Мальбруга в поход и боязливо посматривающие на плечистого хозяина, вооруженного бичом, годным для слона; виола с приплясыванием и присвистыванием маленького тирольца, одетого в национальный костюм; наконец, бродячие оркестры, состоящие или исключительно из одних тром-

бонов, оглушающих скромных жителей дворов, или из двух-трех скрипок да кларнета. Кроме того, подобно итальянцам, немцы-шарманщики имеют еще частные промыслы: готовят зажигательные спички, курительные свечи, порошки, воспитывают щенков, которых, по окончании курса, передают инвалиду с раздутой губой, а инвалид сбывает их чувствительным томным барыням,носящим букли и ридикюль, или чиновникам, отцам семейства, любящим делать сюрпризы дочерям и не находящим для такого употребления ничего лучше мохнатых болонок или курносых мопсов.

Немецких шарманщиков в Петербурге немного; большею частью они недолго остаются в этом звании, нисколько не соответствующем их характеру.

Выгнанный хозяином безродный подмастерье, закутившийся лакей, приказчик, пожертвовавший хозяйскими деньгами страстию к орлянке, свайке и картам, а иногда и бедняк, лишенный места несправедливым барином, составляют незначительную часть русских шарманщиков, ежедневно

шлифующих петербургские тротуары. Непреодолимое влечение оставлять последний грош в заведении под фирмою: «с распивочной» рано или поздно заставляет его обратиться к итальянцу, содержащему шарманщиков. Правда, и русские шарманщики живут иногда в независимости от итальянца-хозяина, но уж не иначе, как компаниею; редко, весьма редко, кто-нибудь из них отделяется от толпы и живет один с своим органом; ему нужно непременно «компанство», товарищи; он вообще склонен к общественной жизни. Селятся они на Петербургской стороне, в скромной лачужке, обнесенной с трех сторон огородами; четвертая же, как водится, смотрит в узкий переулок, в перспективе которого возвышается пестрая будка. В этих жилищах выказывается вполне характер почтенных наших соотечественников, народных виртуозов, со всею их беспечностью. Хотя горе (часто залетающее к русскому шарманщику) приводит его иногда в такое положение, что хоть ложись да умирай с голоду, но, несмотря на то, в нем, как и в каждом русском простолюдине, не угасает стремление к «художеству».

Он непременно оклеивает стены своей лачуги любопытными картинками: «Торжество Мардохея», «Аман у ног своей любовницы», «Мужики Долбило и Гвоздило, побивающие французов», «Вид города Сызрани» (такого рода пейзажи состоят обыкновенно из маленьких пригорков в виде сахарных головок, расположенных один на другом, с травкою на каждой вершинке и увенчанных рядом кривых куполов), «Портной в страхе» и тому подобные создания отечественной фантазии резко выдаются красными, пунцовыми и желтыми пятнами на закопченных стенах. Рядом с изображением какого-нибудь фельд-маршала, занимающего с лошадьёю все поле картины, вы увидите верхушку помадной банки с надписью: «а ла виолет», или над трогательною сценою, погребение кота мышами, тотчас же прилеплен портрет Кизляр-аги.

Нет ничего беспечнее русского шарманщика; он никогда не заботится о следующем дне, и если случается ему перехватить кой-какие деньжонки, обеспечивающие его на несколько дней, он не замедлит пригласить товарищей в ближайший «кафе-ресторан», где за

сходную цену можно получить пиво, селедку и чай. Как неаполитанский лазарони, он не будет работать, если денег, добытых утром, достаточно на вечер: наштававшись досыта, наш виртуоз возвращается домой и, если усталость не клонит его на жиденский тюфяк, служащий ему постелью, он предается мирным занятиям, сродным мягкой его душе: слушает, как один из его товарищей, грамотей труппы, читает добытые на толкучке брошюры. Его в особенности восхищают книги: «Жизнь некоторого Аввакумовского Скитника, в брынских лесах жительствовавшего, и курьезный разговор души его при переезде через реку Стикс», «Анекдоты Балакирева», «Похождение Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою», «История о храбром рыцаре Францыле Венцыане и прекрасной королеве Ренцывене, «Козел бунтовщик, или Машина свадьба», – сочинение удивительное, в эпиграф которому приложено: «все сочинения теперь в пыли, а это только что взято из были»; «Кандрашка Булавин», «Вред от пьянства» – книги, в особенности последняя, чрезвычайно назидательная.

тельные, но приносящие как читателям, так и слушателям мало существенной пользы.

К удивлению, в публике русский шарманщик как-то не общежителен, он мало обращает внимания на своих слушателей, всегда почти пасмурен, недоволен собою, разве завлечет его дружеский удар по плечу знакомого кучера с приветствием: «Эх, брат Ванюха!!!»

V. УЛИЧНЫЙ ГАЕР

Чердак одного из огромных домов, окружающих Сенную площадь, служит обыкновенно местом его рождения. Какая-нибудь прачка, горничная третьего разряда, обманутая лакеем, разделяющим любовь свою между кабаком и махоркою, причина появления на свет будущего уличного гаера. Первый взгляд, брошенный новорожденным на полухмельного отца своего, бывает часто последним взглядом; непостоянный, вскоре после рождения на свет залога любви, бросает свою подругу и чердак, с твердым намерением разыграть роль Ловеласа в других, более удобных местах. Бедная женщина остается таким образом одна в своем жилище, где спартанец не нашел бы лишней роскоши. Убедившись в неверности своего любезного, она тотчас же принимается за работу; чувство матери придает ей новые силы и вскоре вознаграждает потерянное время. Между тем малютка растет; он уже бегает по комнате, лепечет несвязные слова и ест уголья и глину, занимствуя их у печки — шалость, за которую

мать имеет причины не слишком строго взыскивать. Птичка покидает гнездо, едва почувствует свои силы, и летит далеко в небо, купаясь в синеве его, или спускается в гущу пахучей липовой рощи, оглашая громким чиликаньем песчаный берег близжурчащей речки; точно так же и герой наш оставляет родной чердак, почувствовав себя в силах помощью рук и ног спуститься по грязной лестнице на улицу. Воспитание его окончено; природа была первым его наставником, время довершит остальное. Тротуары и мостовая, давно пожираемые жадным его взором с чердака, где получил он существование, появляясь ему теперь в полном блеске, представляют тысячу развлечений и удовольствий. Толпы таких же, как он, мальчишек, шарманщики, кукольная комедия, бабки, лотки, уставленные апельсинами и пряниками, солдаты, проходящие по площади с музыкою впереди, — все это до такой степени очаровывает молодое его воображение, что он готов лучше целые сутки просидеть на улице под дождем, любуясь на воду, извергаемую желобом, нежели идти домой. Но известно всякому, да-

же не читавшему детских прописей, что счастье скоротечно и исполнено треволнений. Едва минуло мальчугану восемь лет, как заботливая мать уже думает о том, как бы доставить ему честное хлебное ремесло. То вталкивает его в общую колею уличной промышленности, привесив ему на шею деревянный ящик, наполненный спичками, снабдив его тросточками, сургучом, зелеными яблоками или, если есть кой-какие средства, избирает своему детищу более прочное ремесло, поручая его богатому мастеровому. Натянув на плечи толстый полосатый халат, мальчик становится подмастерьем. Хотя халат может поместить в широких полах своих трех таких молодцов, но подмастерье, уже вкусивший раз свободы, чувствует его тесным и по возможности старается стрясти с себя это иго. Избалованные мальчишки-товарищи скоро увлекают новичка; каждое воскресенье отправляются они на Крестовский на целый день, где проявляется впервые идея о кутеже. С пряников и кедровых орехов переходит на трубку, с трубки на вино; бедняк, увлеченный более и более, делается негодяем и кончает

обыкновенно карьеру свою у хозяина воровством или побегом.

Выгнанный хозяином или бежавший от него, он случайно сталкивается с содержателем труппы кочующих фигляров; мать ли его стирает белье на эту труппу, или он сам заводит знакомство, одним словом, бывший подмастерье делается членом труппы, в качестве портного или сапожника, с назначением перекраивать известные лохмотья или приставлять подметки. Но звание это, вместо того чтоб доставить ему кусок хлеба, делается источником всех его бед и несчастий. Фигляры, вольтижёры, канатные плясуны являются пред ним господами, героями; страждущее самолюбие не дает ему покоя ни днем ни ночью; ему грезится бархатный камзол, шитый блестками, рукоплескания, дружба и радушие фигляров, вместо презрения, и он решается во что бы то ни стало достигнуть высокой для него цели. Хитрый хозяин, подметив эту слабость и не имея особенного желания платить своему работнику, предлагает ему, вместо денег, услуги; бедняк с восторгом принимает предложение и вверяет свои члены бичу и

палке хозяина.

Ту-т наступает для него трудная школа, и если он до конца выдерживает ее, то по прошествии нескольких лет удостоивается приема в компанию. Разумеется, претензии его на жалованье считаются дерзостью, и потому он немедленно переходит в другую труппу уже действующим лицом, с правом быть выставленным на афише. В этих труппах герой наш обязан выполнять все возможные «амплуа» по благоусмотрению антрепренера, какого-нибудь г. Каспара, Вейнерта, Добрандини и т. д. Начиная с обязанности ламповщика и кончая почетным званием вольтижёра, переходит он все состояния: поочередно является перед почтеннейшей публикой клоуном, Касандром, паяцем, чёртом, глотает шпаги, зажженный лен, подымает гири, играет в пантомимах, кончающихся обыкновенно тем, что все действующие лица, без исключения, исчезают в исполинской пасти холстяного чёрта; деятельность его иногда баснословна: он в одно и то же представление сзывает зрителей, продает билеты на вход, делает *salto mortale*, танцует на канате, перепрыгивает

помощию трамплина чрез двенадцать солдат, танцует на лошади, играет какую-нибудь роль в следующей за сим пантомиме и часто довершает представление коленцем из русской пляски, отхвачанным с примадонною труппы. Но непродолжительна блестящая эпоха его жизни; когда масленая, а затем и святая недели миновали, он вынужден бесчестить (так выражается гаер) благородное ремесло свое, вступив гаером к богатому шарманцику с условием получать по двадцати пяти копеек меди с рубля, добытого на дворах и улицах.

Должно заметить, что уличный гаер всегда почти русский; балаганные его товарищи, будучи иностранцами, тотчас же по истечении праздников уезжают за границу, оставив его на произвол судьбы. Спустясь с своих подмостков на худощавый ковер, бывший Геркулес показывает нам свое искусство при завывании шарманки и гудении тамбурина. Большую часть года уличный гаер проводит у шарманчиков, и это время составляет несчастнейшую часть его жизни.

Деньги, получаемые на улицах, едва доста-

точные на содержание, а так как он любит после дневных трудов посибаритствовать, то нажитое в балагане мало-помалу исчезает в заведениях. С каждым днем положение его становится хуже и хуже; к концу года остается у него одно платье, и он уже, по русскому обычаю, собирается угостить товарищей на последний камзол, шитый блестками, как является хозяин балагана и завербовывает его на следующие праздники. Без этого прощай и камзол, и человек – все бы погибло! Несмотря на скудную жизнь уличного гаера у шарманщика, он не унывает Духом, и хотя наружность его пасмурна, смотрит он исподлобья и всегда ворчит, но это продолжается только до минуты, когда он входит на двор, намереваясь дать представление. В то время, как один из его товарищей расстилает на мостовой толстый ковер, служащий ему ареною, гаер гордо посматривает на толпу, сбежавшуюся смотреть на него. Взгляните, с какою самодовольною улыбкою сбрасывает он с себя длиннополый сюртук, скрывающий пунцовый камзол и широкие белые шаровары. Бубен и шарманка играют интродукцию, гаер встряхивает

курчавою головою, отходит несколько шагов назад и, разбежавшись, становится на руки; salto mortale следуют одно за другим, публика рукоплещет, гроши сыплются из окон, но гаер ничего этого не примечает; у него давно на носу стул, на котором сидит маленькая девочка, взятая из толпы... Унылые звуки «Лучинушки» возвещают конец представления; гаер надевает снова сюртук, нахлобучивает на взъерошенные свои волосы избитую шляпу и покидает двор, преследуемый той же публикою, еще долго не покидающею его.

Не все уличные гаеры случайно попадают в тяжкое свое ремесло; есть такие, которые посвящаются ему с самого детства. Дети старого фигляра или гаера, они поневоле должны идти по стопам отца и обыкновенно кончают жизнь или на этом поприще, или от неудачного salto mortale. Положение их самое несчастное; от колыбели до гроба обречены они неимоверным трудам, не имея другого способа кормить себя, так как гаер по призванию имеет всегда время отказаться от гаерства, коль скоро почувствует его тягостным. Часто случается, что, проведши несколько

лет в этом звании, он возвращается к прежнему ремеслу своему, и вы немало удивитесь, увидев того самого гаера, которым восхищались на дворе, который так ловко ходил на руках, держал на носу стул и повертывал на мизинце тамбурин, с шилом или ножницами в руках.

VI. ПУБЛИКА ШАРМАНЩИКА

В осенний вечер, около семи часов, партия шарманщиков поворотила с грязного канала в узкий переулок, обставленный высокими домами. Шарманщики заметно устали. Один из них, высокий мужчина флегматической наружности, лениво повертывал ручкою органа и едва передвигал ноги; другой, навьюченный ширмами, бубном и складными козлами, казалось, перестал уже и думать об усталости; только рыжий мальчик с ящиком кукол нимало не терял энергии.

Шарманщики, кажется, намереваются войти в ворота одного знакомого и прибыльного дома.

Так! нет сомнения! Комедия будет! Они вошли на двор, вот уже заиграли какой-то вальс, и раздался пронзительный крик Пучинелла. Оборванный мальчишка, который до того времени спокойно сидел на тумбочке, играл камешком и дразнил сестру с двумя маленькими ребятишками на руках, вдруг вскочил, сделал братьям еще гримасу и, перескочив чрез всю группу, сломя голову бросился

на двор. Будочник, стоявший тут же, с прилепленной к стене будкою, снисходительно улыбнулся и понюхал березинского. Два солдата, занятые весьма интересным разговором, заметив вошедших в дом шарманщиков, остановились, с минуту оставались в нерешимости и наконец вошли.

Баба, с необыкновенно красным лицом и веником под мышкою, последовала их примеру; одним словом, эффект был произведен.

Отчего же бы и нам не зайти? Двор широк и просторен; на него выходит до сотни окон. Посреди двора уже поставлены ширмы; флегматический носитель шарманки успел уже уставить свою ношу на складные козла и играл интродукцию. Представление не могло замедлиться, потому что на публику нельзя было жаловаться: она сбегалась со всех сторон. Но шарманщик не переставал оглядывать окна, из которых начинали высовываться головы любопытных, естественно ожидая от них более, чем от толпы сгруппировавшихся вокруг него зевак.

Крик Пучинелла раздается в другой и третий раз, верхние этажи населяются, оживля-

ются, кучи самых разнообразных голов перевешиваются на подоконники; виден и чиновник в пестром халате, красной ермолке и с трубкою в зубах; рядом с ним артель работников заняла целые шесть окон сряду; хорошенькая женщина и болонка поместились на сафьянной подушке, брошенной на окно; кое-где выглянуло несколько размалеванных лиц, обративших на мгновение общее внимание.

Чиновник Федосей Ермолаевич, весьма почтенный Человек, занимавший выгодное место и которого сам директор однажды потрепал по плечу, также был пробужден после обеденного отдыха призывными криками Пучинелла.

– Терешка! что это, братец, там такое? – закричал Федосей Ермолаевич, зевая и потягиваясь.

– Шарманщики, сударь, – отвечал Терешка, делая движение рукою и головою к окошку.

– Да как же это они, братец... того?...

Но тут новый крик Пучинелла совершенно разбудил Федосея Ермолаевича; он потянулся еще раз, встал с постели и заспанными глаза-

ми посмотрел на двор.

– Папенька, то, то, то, они вот все, вот так, вот все играют? – спросил маленький Ермолай Федосеевич, таща всеми силами отца к окну. Ребенок гнусил, произнося последние слова нараспев, что, впрочем, нисколько не мешало ему быть любопытным и подавать большие надежды.

– Шарманщик, душечка...

– Нет, нет, то, вот они, вот так, вот все играют? – продолжал ребенок, требуя непременно объяснения.

– Шарманщик, душечка...

– Нет, нет, то, они все так...

Но и мы, не находя ответ Федосея Ермолаевича удовлетворительным, спустимся лучше вниз вместе с нянькою, торопливо выносившею пискливого ребенка, который не давал ей покоя целые три часа.

Комедия должна начаться сию минуту, публике некуда уже было поместиться. Два солдата, долго колебавшиеся вмешаться в толпу, стояли теперь на первом плане; их плотно окружала орда мастеровых в изодранных армяках, с выпачканными сажею лица-

ми; мамки, няньки, кормилицы с ребятишками всех сортов и возрастов пестрели в толпе яркими сарафанами; денщик, возвращаясь с четверкою вакштафа, которую с нетерпением ожидал вновь произведенный прапорщик, казалось, позабыл своего господина; босоногая девчонка, остриженная в кружок, стояла в каком-то бессмысленном созерцании, держа в руках корзинку с копеечными сухарями; толстый барин в очках, вышедший подышать свежим воздухом, разделял общее нетерпение; трое писарей с лихими ухватками подшучивали над шарманщиком, который переменил уже два мотива и с самой недовольной миной переходил на третий; с улицы подходила беспрестанно толпа всякого сброда; даже два моншера остановились у входа ворот, завернув ногу назад и картинно упершись на тросточку.

Толпа волновалась и шумела; все ожидали, все требовали представления; один только знакомый нам мальчишка бегал кругом, как гончая собака, обнюхивал каждого, высывал язык всем, кто ему не нравился, щипал исподтишка детей и, протянув руку, готовил-

ся стащить пятый сухарь у девочки, как вдруг над шарманкою показался Пучинелла. Пучинелла принят с восторгом; характером он чудак, криклив, шумлив, забияка, одним словом, обладает всеми достоинствами, располагающими к нему его публику.

– Здравствуйте, господа! сам пришел сюда, вас повеселить, да себе что-нибудь в карман положить! – так начинает Пучинелла.

Его приветствие заметно понравилось; солдат подошел поближе, мальчишка сделал гримасу, один из мастеровых почесал затылок и сказал: «Ишь ты!» – тогда как другой, его товарищ, схватившись за бока, заливался уже во все горло. Но вот хохот утихает; Пучинелла спрашивает музыканта; взоры всех обращаются на его флегматического товарища.

– А что тебе угодно, г. Пучинелла? – отвечает шарманщик.

Пучинелла просит его сыграть «По улице мостовой»; музыкант торгуется:

– Да что с тебя, мусью? Двадцать пять рублей ассигнациями!

Пучинелла. Да я и от роду не видал двадцати пяти рублей, а по-моему, полтора рубля

шесть гривен.

Музыкант. Ну, хорошо, мусью Пучинелла, мы с тобою рассчитаемся.

Сказав это, он принимается вертеть ручкою органа.

Звуки «По улице мостовой» находят теплое сочувствие в сердцах зрителей: дюжий парень шевелит плечами, раздаются прищелкивание, притоптывание.

Но вот над ширмами является новое лицо: капитан-исправник; ему нужен человек в услужение; музыкант рекомендует мусью Пучинелла.

– Что вам угодно, ваше высокоблагородие? – спрашивает Пучинелла.

– Что ты очень хороший человек, не желаешь ли идти ко мне в услужение?

Пучинелла торгуется; он неизвестно почему не доверяет ласкам капитана-исправника; публика живо входит в его интересы.

Капитан-исправник. Экой, братец, ты со мною торгуешься! много ли, мало ли, ты станешь обижаться.

Пучинелла. Не то, чтобы обижаться, а всеми силами стану стараться!

Капитан-исправник. У меня, братец, жалование очень хорошее, кушанье отличное, пудмякины да полчетверика гнилой рябины, а если сходишь к мамзель Катерине и отнесешь ей записку, то получишь двадцать пять рублей награждения.

Пучинелла. Очень хорошо, ваше благородие, я не только записку снесу, но и ее приведу сюда.

Публика смеется доверчивому Пучинелла, который побежал за мамзель Катериною. Вот является и она сама на сцену, танцует с капитаном-исправником и уходит. Толпа слушает разиня рот, у некоторых уже потекли слюнки.

Новые затеи: Пучинелла хочет жениться; музыкант предлагает ему невесту; в зрителях совершенный восторг от девяностодевятилетней Матрены Ивановны, которая живет «в Семеновском полку, на углу, в пятой роте, на Козьем-Болоте». Хотя Пучинелла и отказывается от такой невесты, но все-таки по своему любопытству стучит у ширм и зовет нареченную. Вместо Матрены Ивановны выскакивает собака, хватая его за нос и тербит что есть мочи.

Публика приходит в неистовый восторг: «Тащи его, тащи... так, так, тащи его, тащи, тащи!...» – раздаётся со всех сторон; Пучинелла валится на край ширм и самым жалобным голосом призывает доктора, не забывая, однако, спросить, сколько будет стоить визит. Является доктор, исцеляет Пучинелла и в благодарность получает от него оплеуху.

За такое нарушение порядка и общественного спокойствия исполненный справедливо-го негодования капитан-исправник отдаёт Пучинелла в солдаты.

– Ну-ка, становись, мусью, – говорит капрал, вооружая его палкою, – слушай! на краул!

По исполнительной команде Пучинелла начинает душить своего наставника вправо и влево, к величайшему изумлению зрителей. Ясно, что такого рода буян, сумасброд, безбожник не может более существовать на свете; меры нет его наказанию; человеческая власть не в состоянии унять его, и потому сам ад изрыгает черта, чтобы уничтожить преступника.

Комедия кончается; Петрушка, лицо нераз-

гаданное, мифическое, неуместным появлением своим не спасает Пучинелла от роковой развязки и только возбуждает в зрителях недоумение. Неунывающий Пучинелла садится верхом на черта (необыкновенно похожего на козла), но черт не слушается: всадник зовет Петрушку на помощь, но уже поздно: приговор изречен, и Пучинелла погибает образом весьма достойным сожаления, то есть исчезает за ширмами.

Раздается финальная ария, представление кончилось. Публика чрезвычайно довольна, но когда шарманщик взял бубен, завертел его на мизинце и стал обходить зрителей, толпа заметно стала редеть. Первыми дезертирами оказались два солдата и баба с веником подмышкою; рев детей, на минуту умолкнувший, возобновился с большей силой и заставил мамок поскорее удалиться; словом, из толпы утекали поминутно. К совершенному отчаянию шарманщика, даже и сам толстый господин в очках, остановившийся послушать комедию, посмотрел на бубен, подносимый ему шарманщиком, как бы не понимая, чего хотелось просителю; с горя шарманщик

обратился к ломам, то есть к окнам, в которых все еще торчали головы любопытных; наконец, один пятак упал, звеня и прыгая, на мостовую, за ним другой, потом третий, брошенный собственноручно сыном Федосея Ермолаевича, которому папенька вручил его с наставлением: «Брось ему, душенька, в бубен».

– Нет, нет, то, то, они вот, так вот все играют? – твердил упрямый мальчишка...

Пятак как-то неловко упал между камнями; тут чиновник в красной ермолке, не давший решительно ничего и более других хлопотавший о начатии комедии, принял необыкновенное участие в судьбе шарманщика.

– Направо, направо, – кричал он, указывая ему пальцем на то место, куда упал пятак. – Еще правее... ах, братец! не туда! говорят тебе, правее.

– Направо, теперь еще немножко назад, – слышался голос из другого окошка.

«Эх, вы, – думал шарманщик, нагибаясь, чтобы поднять деньги, – хлопотать-то ваше дело, на то вы мастера, а вот как самому поло-

жить что-нибудь, так нет... эх! житье, житье!»

Шарманку сняли, и под звуки плачевной музыки она тронулась с места; толпа расходилась; чем бы, кажется, и все должно было кончиться, но тут случилось обстоятельство, которого пропустить невозможно. Дождь, накрапывавший еще до окончания комедии и непримечаемый увлекшеюся публикой, полил как из ведра; чиновник в очках, по благо-разумному своему обыкновению в таких случаях, полез в карман, чтобы вытащить оттуда платок и обернуть им еще новую шляпу, как, к совершенному своему изумлению, вместо платка вытащил чью-то руку, уже прежде нырнувшую туда за платком.

Чиновник обернулся, но мальчишка, наш старый знакомый (это был он), одним движением руки вырвался из тисков оскорбленного чиновника, ринулся вперед и исчез в толпе.

«Держи! держи!» – закричал чиновник; «держи! держи! – раздалось повсюду; «держи!» – закричали мастеровые.

Двор опустел до единого; один только мужик, восторженно хохотавший от самого начала до развязки, остался на прежнем месте;

улыбка удовольствия еще не покидала лица его; он осмотрелся кругом, взглянул на то место, где стояла шарманка, не забыл посмотреть на окна, которые запирались от проливного дождя и, сделав недовольную мину, отправился к воротам.

Под воротами он встретил бедную собачонку, дрожавшую от холода и прижимавшуюся к стенке. Мужик остановился, посмотрел на нее пристально, нагнулся к ней как можно ближе и произнес: «Озябла!...» – после чего тотчас же покинул двор, весьма довольный собою.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Случалось ли вам идти когда-нибудь осенью поздно вечером по отдаленным петербургским улицам?

Высокие стены домов, изредка освещенные тусклым блеском фонарей, кажутся еще чернее неба; местами здания и серые тучи сливаются в одну массу и огоньки в окнах блестят; как движущиеся звездочки; дождь с однообразным шумом падает на кровли и мостовую; холодный ветер дует с силою и, забиваясь в ворота, стонет жалобно; улицы пусты, кое-где плетется разве запоздалый пешеход, или тащится извозчик-ночник, проклиная ненастье; но скоро все утихает, изредка только слышатся продолжительный свист на каланче, или скрип барки, качаемой порывами ветра, и снова все погружается в безмолвие.

Погода всегда имеет сильное влияние на расположение духа, и вам как-то невольно становится грустно. Постепенно одна за другою приходят на ум давно забытые горести; одно печальное, неотрадное наполняет душу,

и невыразимая тоска овладевает всем существом вашим...

Вы входите в глухой, темный переулочек; сердце ваше сжимается еще сильнее прежнего. Высокие заборы исчезают в темноте; полуразвалившиеся лачужки без признака жизни, все пусто, ни живой души, разве пробежит мокрая собачонка, фыркая и чутко обнюхивая, в тщетной надежде напасть на след потерянного хозяина... Вдруг посреди безмолвия и тишины раздаётся шарманка; звуки «Лучинушки» касаются слуха вашего, и фигура шарманщика быстро проходит мимо.

Вы как будто ожили, сердце ваше сильно забило, грусть мгновенно исчезает, и вы бодро достигаете дома. Но не скоро унылые звуки «Лучинушки» перестанут носиться над вами; долго еще станет мелькать жалкая фигура шарманщика, встретившаяся с вами в темном переулочке поздно ночью, и вы невольно подумаете: может быть, в эту самую минуту продрогший от холода, усталый, томимый голодом, одинокий, среди безжизненной природы, вспоминал он родные горы, старуху-мать, оливу, виноград, черноокую свою по-

другу, и невольно спросите вы: для чего, каким ветром занесен он бог знает куда, на чужбину, где ни слова ласкового, ни улыбки приветливой, где, вставши утром, не знает он, чем окончится день, где ему холодно, тяжело...

Примечания

1

Здесь: сложное акробатическое упражнение
(итал.).

[^^^]

горы Перпи (*итал.*).

[^^^]

в Петербург! (*итал.*)

[^^^]

синьором Шарлотто Бонисси (*итал.*).

[^^^]

5

О синьор, нам, бедным артистам, плохо живется в Петербурге; в Петербурге не очень любят артистов... публика не любит музыку, синьор (*смесь искаженного французского с итальянским*).

[^^^]